

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

Новые соседи

рассказы — новеллы — миниатюры

Юрий Михайлов

**Новые соседи. Рассказы –
Новеллы – Миниатюры**

«Издательские решения»

Михайлов Ю.

Новые соседи. Рассказы – Новеллы – Миниатюры /
Ю. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833974-5

В книге собраны рассказы, новеллы, миниатюры, опубликованные в печати за последние годы. В Интернете их прочитали тысячи читателей. Автор благодарит всех, кто посоветовал собрать рассказы в отдельный сборник.

ISBN 978-5-44-833974-5

© Михайлов Ю.
© Издательские решения

Содержание

Рыжики	6
Смотрины	10
Серёжа	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Новые соседи
Рассказы – Новеллы – Миниатюры
Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-3974-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыжики

Десятилетний Валька встал на удивление легко, хотя рассвет только начал вползать сквозь сатиновые занавески на окнах: на голубом фоне жёлто-белые ромашки с длинными бледно-зелёными стебельками. Радостно на душе, но он не знал, отчего, ну, уж точно не от того, что опять не хватает денег дожить до зарплаты, и мама опять плакала вечером потихоньку от него. Просто он любит ходить с мамой в лес, она лучше всех знает грибы и быстрее всех набирает двухведёрную бельевую корзину. Остальные скромненько прихватывают с собой по алюминиевому ведёрку.

Попили чаю с ржаными сухарями, с вкусной поджаристой корочкой, которую только мама умеет делать в духовке, у соседней почему-то всегда всё подгорает. Раиса встала со стула, одёрнула юбку, перевязала платок, заправив за уши выбившиеся волосы. «Красивая у меня мама», – невольно подумал Валька. Он любовался серыми с коричневыми точечками продолговатыми глазами, чёрными во весь лоб бровями, тонким носом и такими же тонкими губами с уже заметными в уголках рта морщинками, ещё больше жалел маму и ещё больше мучился, понимая, что с деньгами он не помощник. Становилось совсем грустно, хотя он не раз говорил себе: «Ничего, через три года кончу семилетку, пойду работать, вот тогда заживём!»

В семье – Валька младший из пятерых детей, старшие – учатся в других городах, двух средних – старшекласников, пристроила на лето мамина сестра Шура, оформив подсобными рабочими на загородную дачу детсада. Это лето сын с матерью коротали вдвоём. Мальчик почти не помнил отца, тот скончался после войны от ран. И мама одна тащила семью из последних сил: ночью, через сутки, мыла баки и посуду на фабрике-кухне, а утром, каждый день, кроме воскресенья, накормив и отправив всех в школу, неслась драить полы в СУ (строительное управление), в котором ещё до войны трудился муж. Правда, к обеду она уже уходила домой: так решило начальство, помня, каким хорошим и безотказным работником был глава семейства и что у него осталось пять ртов.

На праздники приезжал председатель профкома СУ, выкладывал на стол подарки и сладости детям, Раисе аккуратно клал в карман фартука конверт с деньгами. Не ахти какая сумма, но приятно было внимание рабочих, собиравших по рублю в память о рано ушедшем после войны человеке. Государство за потерю кормильца платило семье гроши, хотя детки, слава Богу, росли здоровыми, ели отлично, за двоих.

Не успела мать оглянуться, август наступил, надо менять школьную форму Юрию и Людмиле, они уже в старших классах, ковбойками для подростков не обойдёшься, считай, две трети зарплаты, как ни бывало. «Так и живём в бесконечных долгах, – думала тяжкую думу Раиса, – и что делать, надо у кого-то просить отсрочку, ведь не будешь же бегать от людей да от стыда и не убежишь?» Правда, надеялась, выручат грибы: на выходных днях можно три-четыре корзины собрать, оптом сдать в столовую дом отдыха, но платили там намного меньше, чем на колхозном рынке. Но она не хотела, как торгашка, позориться перед знакомыми: семья рабочих, слава Богу – это не какая-нибудь Онька – барыга, которая в рост по два долга берёт. «Креста на них нет, – распаялась Раиса, – отольются им сиротские слезинки...»

Вернул её к лесу сын: Валька загремел в посуднике, сунул в небольшую корзинку литровую банку (вдруг набредём на болото, можно голубики поискать, хотя, конечно, сезон уже отошёл), прихватил в карманы несколько сухарей и первым вышел на улицу. Мать закрыла квартиру, ключи положила на верхний дверной карниз (авось, сестра приедет с детьми), и они зашагали к лесу, который высвечивался верхушками мощных сосен за крышами коричневых, похожих на тараканов, двухэтажных шлакозасыпных домов.

Валька знал, что маслята растут в молодых сосновых посадках, недалеко от оврага и начинающейся запруды на реке. Но это знали и все в посёлке, вычищали и вытапывали посадки

буквально за час-полтора ещё на рассвете. И потом уже начиналась самодеятельность: кто шёл в чистый ельник, кто в смешанный хвойно – лиственный лес, тянувшийся на десятки километров и похожий на тайгу. А мама находила грибные места здесь, недалеко от дома, прямо за железной дорогой, ведущей в такой незнакомый и таинственный город Ленинград. «А с платформы говорят: «Это город Ле-нин-град...» – мальчик помнил наизусть детские забавные стихи.

– Вот, смотри, сынок, дом отдыха «Сосенки» прямо в сосновом бору стоит, – наставляла мать сына, – ты думаешь отдыхающим нужны грибы? Им нужны костры да картошка печёная, и они все поляны забили кострищами... А мы пойдём рядом, бочком, в полукилометре, и будем собирать маслята... А на границе с елями – обязательно пойдут рыжики... Ты покрутись здесь и приходи к столовой, я буду туда сдавать грибы, там и встретимся, только жди меня, никуда не уходи.

Мама не ошибалась, во всяком случае, Валька такого не помнил: недалеко от футбольного поля, танцплощадки, кострища она всегда находила полянки, где разбегались в листве и по мху до пятидесяти маслят сразу, молодых, тугих и, главное, не червивых, что так присуще этому грибу.

Он и не заметил, как оказался в молодом ельнике, тянущемся сразу за старыми щитовыми домами на две семьи, обшарпанными и неухоженными. В них проживал обслуживающий персонал дом отдыха. Здесь и начиналось царство старого Берендея: елки маленькие, средние, в два раза выше роста мальчишки, и старые столетние гиганты, на зелёные лапища которых было страшно смотреть. Под ними – полусгнившие иголки, старая листва да истлевшие ветки от кустов бузины, растущей рядом с зелёными хвойными пирамидами. Из радиоузла неслась музыка, её громкость позволяла спокойно уходить в лес до трёх километров: не заблудишься, выйдешь к строениям по звуку.

В ельнике среднего размера, в густой зелени травы, россыпью пошли рыжики, в основном, крепкие, немножко влажные и коротконогие. Но попадались и гиганты с устремившимися к небу закрученными шляпами, бледно-жёлтыми с коричневыми крупными крапинками. На ярких поверхностях рыжиков синевой пробивалась их вековая мудрость: они стояли так независимо и смело, что Валька замер от изумления, сложил раскрытый перочинный нож и убрал в карман брюк. От такого количества охровой и бледно-синей краски ему стало не по себе, голова даже закружилась. Он решил найти маму, чтобы показать всё это несметное богатство. Но кричать-звать её было бесполезно: динамик работал на полную мощь, транслировал песни советских композиторов.

Тогда он снова достал лезвие, резал и резал упругие ножки, складывал рыжики в корзину, но чувствовал, сейчас наступит предел... «Может, майку снять, – подумал, – хорошо, набью майку, а куда положу-то её? Нет, надо маму звать.»

...Она стояла у лестницы щитового облезлого домика, в руках пустая корзина. Увидела сына и будто споткнулась, как-то неловко засмушалась, сказала громко:

– А я иду тебя искать! Хотя здесь не заблудишься, радио орёт, всё рядом. Вот к завхозу зашла, он сразу купил корзину грибов, сказал, чтобы мы ещё парочку насобирали на обед для отдыхающих.

Валька смотрел на мать, какой-то странной она ему казалась: суетилась, поправляла платье, косынку то развяжет, то снова затянет узлом на волосах. Из дома вышел пузатый мужик в хромовых сапогах, тёмно – синем галифе и голубой майке с большими вырезанными подмышками. Мама заговорила жалостливым голосом:

– Вот, сынок, это дядя Семён... Десять рублей за корзинку дал. Он здесь – завхоз...

– Чё, сердитый-то, короед! Смотрит-то как, а? Защитник мамкин. Дам щелчок в лоб и не встанешь больше... Ха-ха-ха-ххии, – заржал, колыхая пузом, завхоз.

– Ну, что вы так-то, Семён Семёныч, – мать попыталась полуобнять сына, – он ведь давно без отца-то.

– А я всыплю своим-то, так и шёлковые! У меня с войны брезентовый ремень на спинке кровати висит, все видят... И помнят, кто таков отец! Юлой, бывало, завертятся, как стегану да с оттяжкой-то... – и без перехода пузатый закончил разговор, – ладно, иди, Раиса, жду ещё, минимум, корзину. Неси грибы сразу на кухню, вот тебе пять рублей.

– Это рыжики, Семён Семёныч! Я ж отборные, как в ресторан приношу, без червоточинки... А вы – пять рублей... – мать не успела договорить, завхоз её оборвал:

– Я тебе за первую корзину десятку дал, хватит, для столовой можно и оптом сдавать... И за удовольствие платить надо, а? Ха-ха-ха-ххии, – по-хозяйски ржал мужик, его лицо стало лилово-красным, он демонстративно одёргивал галифе, гладил руками по ширинке.

– Мам, идём отсюда, хватит стоять здесь! – закричал Валька, – не надо нам его пятёрки, мам, не надо... – ему каким-то чудом удавалось сдерживать слёзы, – боров жирный, погоди, приедет старший брат, он тебе пустит кровянку!

– Рай, успокой его! Иначе вздрючу шкета! – рассердился не на шутку завхоз.

– Только попробуйте, вы ещё не знаете, как мать защищает дитя? Не знаете? Тогда узнаете! – выпалила женщина и потащила мальчика к входным воротам.

– Вот сумасшедшие! – заорал завхоз, страшно матерясь, – валите отседа, грибники, хреновы! Нужны вы мне, хотел подкормить, рванину поселковую, так оне туда же, фу-ты, ну-ты, мы какие! Голь перекатная вы, вот кто вы! И не боюсь я вашего сына, подумаешь, курсант! Я сам старшина интендантской службы в запасе, командира дивизии кормил обедами на войне... Забирай своего ублюдка и не приходи больше никогда!

Валька вырвался из рук мамы, бросил корзину на землю и лупил кулачками по пузу мужика до тех пор, пока тот не схватил его за шкуру и не отшвырнул на несколько метров. Он лежал лицом вниз, плакал навзрыд. Раиса бросилась к сыну, присела рядом на корточки, гладила его по голове, говорила шёпотом:

– Прости меня, Валушка, прости. Хотела, как лучше, чтоб поменьше горя-то знали...

Валька поднялся с земли, отряхнул брюки, подошёл к своей корзинке, валявшейся недалеко от лестницы. Дверь в дом – плотно закрыта, завхоз не подавал признаков жизни. Мальчик бережно собрал рассыпанные рыжики, подхватил корзинку за душку и пошёл к воротам дома отдыха. Раиса поплелась за сыном.

Вечером Раиса взяла сына с собой, когда обходила соседок и родственников, проживающих в рабочем посёлке, чтобы с кем-то рассчитаться за долг, а у кого-то попросить отсрочки до следующей полочки. Сын, конечно, всё понимал, видел, как маме плохо и как она унижается. Постепенно гасли огни в окнах домов, первая смена начиналась на комбинате в шесть утра, проспав на работу – беда, в войну за опоздание могли отправить в лагерь. Старшее поколение рабочих впитало этот страх, они никак не могли перестроиться на мирный лад, спать ложились рано, не то, что молодые, гуляющие до полуночи. То и дело из открытых от духоты окон домов несло в ночь:

– Нинка, марш домой! Проспишь смену, голову оторву!

– Маруся, домой, вставать рано...

Свободных денег, как на грех, ни у кого не было, а, может, мамины родственники и знакомые уже не верили, что она вернёт долг. «Всё, больше идти не к кому», – думала Раиса, присев на колченогую скамейку у завалинки дома. Она отвернулась от сына, притулившегося

с краю, концами белого в мелкий горошек платка вытирала бегущие из глаз слёзы. Валька прижался к руке, гладил мать по плечу, бормотал:

– Ма, не плачь, не надо... Чёрт с ними, с паразитами этими, зздохнут от жадности!

– Не ругайся, сынок, это их дело, давать или нет... А у нас с тобой завтра на хлеб и молоко ни копейки, все грибные денежки отдала за старые долги. Чем кормить тебя буду, горе, ты моё? Но к Оне не пойду, она барыга проклятая, прости, Господи, разденет прилюдно...

– Ма, да не переживай! – важно сказал Валька, – завтра я пару вёдер очисток продам коровнику, считай, на хлеб и молоко у нас есть, вершу проверю на речке, рыбки пожарим, ущицу сварганим...

Домой возвращались уже в полной темноте: в августе ночи становились прохладными, но с яркими звёздами и туманными завихрениями далёких галактик. Валька терзал маму про звёзды, а та смеялась:

– Да, что ты, сынок, у нас в деревне некогда учиться было, семьи по десять человек, кто нянчиться с малышами-то будет, мамке помогать с коровами, поросятами да птицей... Это ты учишься да потом будешь мне рассказывать про небо и звёзды, про большие тайны. Только будь здоров на года да мамку не забывай...

Валентин всё успел сделать с утра: отнёс картофельные очистки хозяину коровы, получил два рубля, сбегал на речку проверить вершу, принёс двух налимов да щучку на полкило. По дороге, заодно, зашёл на кухню в общаге и в пустые вёдра вывалил из бака новые очистки от овощей для коровы. Когда вернулся домой, почувствовал дурманящий запах грибного супа. Мама в СУ перемыла полы и уже успела сварить рыжики, которые насобирал Валька. На столе стояла самая большая тарелка для первого блюда, после смерти отца её почти не доставали из буфета. Мама в цветастом переднике, в новой косынке хлопотала у плиты, расположенной в углу комнаты. Улыбаясь, позвала сына:

– Иди, иди ко мне! Прямо с папиной тарелкой, щас любимого супчика налью... Не спеши, я донесу до стола сама, чтоб не разлил да не обжёгся. Вот так и будем жить, сынок, и никто нам не нужен...

– И к пузатому больше не пойдёшь, ма? – Валька не мог не спросить, но по маминому лицу понял, мог бы и не спрашивать, – вот два рубля! Это обещанные, думаю, завтра тоже два заработаю, очисток уже полные вёдра! – немножко расхвастался сын.

– Спасибо, хозяин ты мой! Как супчик? – спросила мама.

– Обалденный! Но почему на молоке? – не удержался от вопроса сын.

– Вся деревня у нас так варила, только на молоке рыжики готовили, – мама села напротив сына и, подперев голову рукой, смотрела, как он ест, переводила взгляд на два мятых рубля, лежащих на скатерти, на три рыбины, уложенные в продолговатую тарелку и тоже разместившуюся на столе, и не могла сдержать счастливой улыбки. А Валька специально взял деревянную ложку, хлебал суп из рыжиков, не спеша, с чувством, с расстановкой, откусывая солидные куски чёрного хлеба...

Смотрины

– Ты любишь меня? – опять в голосе звучали особые интонации, знакомые с первых свиданий. Сергей всегда чувствовал эти низкие незабываемые звуки, они будоражили, заводили, время не стирало их в памяти. Он любил эту женщину...

Они с Натальей заканчивали вуз, взрослые люди, перестали стесняться своих тел, в студенческом общежитии, где жила невеста, искали любую возможность остаться вдвоем. Другие варианты просто отсутствовали: Сергей обитал у мамы и замужней сестры в двух комнатах коммунальной квартиры.

На майские праздники поступило предложение от родителей Натальи о встрече. Собирались молодые недолго, поехали, раз надо. На вокзале небольшой станции их пересадили в служебную «Волгу», шофёр молчал всю дорогу до посёлка. И во дворе дома никто не встречал гостей. Наталья немножко запаниковала и облегчённо вздохнула, лишь когда в прихожей огромной квартиры увидела толпу из родственников и друзей.

О строгости будущей тёщи ходили легенды: последние 20 лет она председательствовала в народном суде посёлка горняков, где семья прожила всю жизнь. Человек суровый, безапелляционный, без сомнения, авторитетный, ставящая семью превыше всего, она провела Сергея по всем элитным местам райцентра. Сама выбрала жениху в двухэтажном универмаге дорогой костюм, двубортный, в рубчик, из запасов ленд-лизовских поставок, как шутил отец невесты. Постригла будущего зятя у лучшего мастера, да так, что тому пришлось перемывать и причёсывать голову на собственный манер.

Сергею казалось, что и в универмаге, и в парикмахерской, и в кулинарии, где их ждал королевский торт, на него всегда смотрели, минимум, 15—20 пар любопытных глаз. Причем, всегда разные люди, будто их специально расписали по мероприятиям, и они, исполненные высочайшего доверия судебной власти, заинтересованно рассматривали достоинства и недостатки будущего члена поселкового клана.

Все сложилось, как нельзя лучше: Сергей даже опрокинул стопку чистого неразведенного спирта, который принес, по случаю, друг отца невесты – главный врач районной больницы. Тот по достоинству оценил манеру жениха выпивать, закусывать и хмелеть. Сергей пропустил после спирта сразу три тоста, хотя и поднимал рюмку, и чокался со всеми, но не пил, аккуратно и незаметно ставил водку на стол.

Главврач хлопнул его по плечу, показал большой палец и отстал, тем самым, давая понять, что фейс—контроль окончен. С отцом Натальи медицинское светило, защитившее кандидатскую диссертацию на глистах у детей, набралось уже через 20 минут, они стали орать песни, материться в анекдотах и курить прямо за праздничным столом. Но это было так по-семейному мило, уютно и не грубо, что на них никто не обращал внимания.

– Кем работает твой отец? – как-то спросил Сергей Наталью. Она вполне серьёзно ответила:

– Лучшим мужем, лучшим отцом двух дочерей, сыном своей матери и тещи, которые все живут одной семьей. А вообще-то он – главный инженер ГОКа (горно-обогатительный комбинат) и друг дяди Сосо, первого секретаря райкома партии. Они вместе прошли войну, вместе учились в техникуме, оба любили мою маму. Папа стал ее мужем и вырастил нас, своих девочек. Мы маму и не видели...

После программы «Время», которую просмотрело все полутрезвое сообщество, первым к Сергею подошел секретарь райкома партии, друг семьи, дядя Сосо, пожал руку, сказал:

– Запомни на всю жизнь этот день, сынок... Те, которые с нами не работают, те уже нигде не работают и с нами не живут. Цени это: наш круг, наши дела, наши заботы, радости и печали.

Ты будешь с нами, будешь одним из нас. Ты должен знать, что вот здесь, в этом уютном поселке, тебя всегда ждут, тебе рады, тебя поддержат и, если надо, тебя спасут...

Он обнял Сергея и трижды поцеловал. Другие делали тоже самое, но уже практически без слов. Только главврач, склоняясь над ухом жениха, медленно выговорил:

– Не зачинай сегодня... Все пьяны... Плохая наследственность может выскочить.

На всякий случай, родители невесты договорились с соседями по лестничной площадке и те оставили свободной однокомнатную квартиру. Сергея об этом заранее предупредил отец невесты, который весь вечер с удовольствием играл роль веселого забуддыжки, а, на самом деле, смотрел на него абсолютно трезвыми глазами. Говорил Сергею:

– Мне хочется плакать, сынок. Я не могу представить, что ты сейчас уведешь мою елочку и будешь обладать ею...

Сергей запсиховал, хотел наговорить кучу плохих слов, типа: только дураки могут так рассуждать, минул год, как они фактически муж и жена, и никто не просил родителей снимать для них отдельную квартиру. Но промолчал, надел куртку, вытащил Наталью буквально на руках на улицу.

Морозы и метели ушли, на май снег стал влажным, пропитанным, словно губка, водой. Сергей смотрел на конец уходящей за сопки улицы, ему вдруг захотелось увидеть на чёрном, усыпанном яркими звёздами небе, белую лошадь, впряженную в легкие сани, с мужичком, размахивающим кнутом. Именно здесь, в маленьком северном поселке, с которым ему предстояло связать свою жизнь. Не только с Натальей конкретно, а и с этим новым для него миром, с его укладом жизни, с этой открытостью и мерами добра и зла...

Сергей вдруг спросил:

– Ты чувствуешь тепло? Запах земли, полуоттаявшей, но еще с ледком?

– Фантазер ты мой, – сказала Наталья и повисла на нем, целуя в губы, щеки, нос. – Люблю тебя. Я так мало в этом понимаю, но мне хочется умереть, чтобы доказать тебе, как я тебя люблю...

И вдруг без перехода:

– Ты у меня – первый и единственный. Я для тебя берегла себя. Мне никогда и никого не хотелось... Я, наверное, больная, фригидная женщина, замерзшая и заснувшая. И только ты смог меня разбудить, разморозить... Идем, папа сказал, он сумел убедить маму, чтобы мы спали в другой квартире. Представляешь, какой он герой, пошел против мамы. Это невероятно!

– Да уж, невероятно... Мы с ним объяснились только что. Он сказал, что готов убить меня за то, что я буду обладать тобой. Ну, нравы у вас...

Они прошмыгнули в квартиру, рядом с которой соседствовала неприкрытая дверь их семейного четырехкомнатного двухсотметрового чудовища. Постель в полкомнаты разобрана, все сверкает белизной, гора подушек, одеяло-перина буквально вываливается из пододеяльника.

– Как спать-то будем, гора на горе? Будто в богатой деревне, – весело сказал Сергей. Ему явно нравилось все это добротное, новое, стерильное. – А ну-ка, посмотрим, что в холодильнике?

Там плотно разместились: соки и домашний брусничный морс, бутерброды и молоко, кефир и кусочки торта, конфеты россыпью, сортов десять, не меньше. Алкоголя ни грамма.

– Похоже на свадьбу. Но это не свадьба, – задумчиво проговорил он. – А свадьба будет только осенью. А сейчас что? А сейчас только весна...

Он налил апельсинового сока, взял по куску торта, воткнул в каждый по чайной позолоченной ложке и, пританцовывая, подошел к постели, где уже во всей наготе расположилась его любовь, его жена, его счастье и жизнь...

Вспомнив слова главврача больницы, Сергей решил рассказать об этом Наталье:

– Эскулап советовал не зачинать детей сегодня. Мы выпимши, – начал он дурачиться, потому что немного стеснялся разговора...

– Ты что, сдурел? Свадьба осенью, а ты весной хочешь забеременеть!?! – завопила Наталья.

– Значит, нас ждет ночь крепкого сна... Без любви.

Прошло несколько лет. У Сергея и Наташи родился сын. Жили они дружно в коммуналке у мамы, а та переехала к дочке, получившей трёхкомнатную квартиру. С тётшей сложно складывались отношения. Человек бескомпромиссный, властный, она совершенно не умела жить в семье. Муж, как только вышел на раннюю пенсию по вредности производства, перебрался в деревню, купил домик на Волге и ни дня не захотел оставаться ни в поселке, ни на работе.

Дядю Сосо отправили в отставку на исходе, по его словам, бреда с перестройкой, когда он на борьбу с кооператорами поднял весь рабочий класс района. Сначала его перебросили на должность секретаря райсовета, без бюджетных денег, а самое главное, без так привычной для него партийной власти. Там он задержался ненадолго: в нетрезвом состоянии набил морду новому генеральному директору комбината. Все это было в закрытой сауне, на берегу озера, но, тем не менее, стало известно в поселке буквально на следующий день. А в субботу районная газета напечатала фельетон с карикатурой, на которой дядя Сосо, голый и безобразно пьяный, махал руками, якобы пытаясь кого-то отдубасить.

Сергей приехал в поселок после звонка тещи, которая не смогла защитить своим авторитетом старого товарища. На партийного лидера, бывшего хозяина и поселка, и комбината, было жалко смотреть. Он допил до того, что не мог утром без стопки водки встать с постели. Его жена, статная и красивая горянка, потерявшая единственного сына, утонувшего на ее глазах под неокрепшим льдом студеного озера, переносила вторую трагедию в семье внешне спокойно, сама ходила за водкой в магазин, наливала мужу в любое время, когда он просил выпить, и говорила каждый раз только одно: «Закусывай, Сосо, поешь, а то сгоришь от спирта».

– Почему мне, обрусевшему грузину, больше русских надо? – спросил он Сергея. – Почему я один оказался? Почему не могу попасть к первому секретарю обкома? Почему, почему? Сто, тыща почему...

– Я не знаю, – честно сказал Сергей. Что мог ответить преподаватель пусть и элитной школы?

– А я знаю. Все куплено. Я даже расценки знаю, которые установили кооператоры на чиновников и партработников области. И как же стыдно, что так дешево продаются эти сволочи...

– Дядя Сосо, не трави свою душу, – сказал Сергей. – Потерпи. Я завтра вернусь в город, кое с кем встречусь из институтских друзей. Уверен, будет реакция...

– Ты помнишь, какой сегодня день? – вдруг спросил он Сергея. – День нашего знакомства... Смотрины были, помнишь, сынок! Я знал, что ты мне будешь за погибшего сына...

...Он застрелился ночью, из подарочного карабина, привязав спусковой крючок к дверце шкафа и ударив по ней ногой. Жакан, изготовленный на медведя, снес ему полголовы, замазав кровью и мозгами застеленную тонким льняным бельем кровать. На похороны дяди Сосо кроме рабочих и служащих комбината не пришёл ни один начальник. На берегу озера у него была простенькая щитовая дача с банькой и моторной лодкой. Все это хозяйство он оставил по собственноручно написанному завещанию Сергею. «А еще говорили, что беспробудно

пьет, – думал Сергей. – Готовился к смерти, все дела подчистил, меня вызвал на похороны, расставил все точки... Словно специально выбрал день смотрин».

Захоронили его рядом с могилой сына, на берегу студёного северного озера, в той части кладбища, где стараются не хоронить поселковых. На строительстве ГОКа умерли сотни заключённых, холмики от их могил спускаются к самой воде. Небольшой гранитный памятник секретаря райкома будто примирил их, повёл это воинство на вечный покой...

Серёжа

На территорию дачного поселка Иван Сергеевич въехал беспрепятственно: охранник косил траву рядом с автостоянкой, ворота оставались открытыми. Здесь все располагало к тихой и размеренной жизни. В гамаке, натянутом не на заднем дворике, как это делают все, а у парадного входа в дом, возлежал бывший замминистра Леонов Михаил Иванович. Крепкий, высоченный старик лет восьмидесяти, с лысой головой, скуластый, с впалыми щеками, поскольку отказался носить вставные челюсти, с огромными руками то ли сталевара, то ли кочегара. Это сосед Ивана Сергеевича справа. Сосед слева – тоже пенсионер, правда, скандальный, осужденный по статье «за взятку», но реабилитированный, бывший «партийный хозяин» южных земель Теунов. Он открывает дверь своего дома и говорит Ивану Сергеевичу:

– С заслуженным отдыхом... Неужели весь отпуск никуда не поедешь?

– Сил нет, Николай Иванович! Такой год тяжелый, выжал меня как лимон.

– Ты же член коллегии министерства, заставь других работать!

– Значит, плохой член...

– Ха-ха-хёх, – смеётся пенсионер, – юморное поколение пришло нам, старикам, на смену... Как, брат, пьём сегодня за начало отпуска?...

...Наверное, с Николаем Ивановичем Теуновым, коренастым, почти квадратным 70-летним мужиком, действительно, бывшим зеком, пострадавшим по оговору, как судачили другие старожилы поселка, Иван Сергеевич сошелся больше всего. Их сблизил внук-дошкольник, живущий у Теуновых второе лето кряду, и к которому ни разу не приезжали родители. Он обожал деда и, особенно, бабу, совсем еще не старую женщину, с прекрасно сохранившейся фигурой и чистым, без морщин, лицом. Он звал их «дедуля – бабуля», причем, говорил эту полную фразу, обращаясь только к деду или только к бабке. Получалось, примерно, так: «Бабуля-дедуля! А что ты привезешь мне из города?». «Я в поликлинику еду», – отвечала бабушка, собравшаяся на визит к врачу. «А что такое поликлиника?» – спрашивал внук. «Деда тебе расскажет... Веди себя прилично!»

Мальчика звали Серёжа, он еще не ходил в школу, был застенчивым, подолгу стоял на стыке двух земельных участков и смотрел, как играют сыновья Ивана Сергеевича. На все уговоры соседей зайти в гости мотал головой и скрывался. Как-то в начале лета, в субботу, Иван Сергеевич, работавший нередко и по выходным дням, приехал домой пораньше, привез мешок молодой картошки, которую ему передали друзья из Таджикистана, и целое ведро южной клубники нового урожая. На базаре такая роскошь только-только стала появляться и стоила сумасшедшие деньги. Темнело поздно, комары не мучили, стояли жара и сушь.

Отец и сыновья, двое мальчишек, помчались на реку, протекающую у склона холма, на котором и располагался министерский дачный поселок. Впереди их неся с глуповатым видом, счастливый от компании, ушастый от породы – русский спаниель Марс. Искупались по – быстрому, тем не менее, по 5—6 раз каждый, включая Ивана Сергеевича, нырнули с самодельного трамплина в реку. Красиво нырял отец, сыновья с гордостью смотрели на его полет и вхождение в воду, сами старались также чисто без брызг войти в реку. И каждый раз за младшим сыном, которого Марс обожал, пёс прыгал с обрыва...

Не хотелось уходить от воды, но на участке ждал заранее сложенный ребятами костер из сосновых чурок и обрезков досок. Поэтому бежали домой без сожаления, помня и о молодой картошке, и о клубнике.

Костер сыновья разжигали, соревнуясь, как настоящие туристы, одной спичкой, все время споря и обращаясь к отцу как к арбитру. Картошку решили не закладывать в ведро и заранее не ставить на костровище.

Огонь взметнулся в небо, ушел выше молодых сосенок, закрывавших близкий овраг, сухие сосновые доски трещали и стреляли словно петарды. Сели вокруг костра прямо на траву, сочную, свежую, зеленую по случаю начала лета. Жена принесла огромное блюдо мытой клубники, поставила перед детьми, присела на низенький чурбачок рядом с Иваном Сергеевичем. Дети не ждали команд, сразу принялись поедать крупные, настоянные на свежем запахе земляники, ягоды. Родители посмотрели друг на друга, улыбнулись, не стали в эту минуту мешать мальчишкам.

Боковым зрением Иван Сергеевич увидел на границе участка Серёжу. Он стоял худенький, в джинсовом комбинезоне, застегнутом поверх майки, держась за шершавые доски забора. И так жалко стало Ивану Сергеевичу пацана, что он встал и, не спеша, осторожно пошел к нему.

– Серёжа, здравствуй, ты что один? Почему к нам не заходишь?

Молчание. Глаза грустные, смотрят мимо приближающегося Ивана Сергеевича.

– А я только что хотел зайти к твоему деду, попросить у него разрешения, чтобы забрать тебя к нам, на картошку. Видишь, какой костер мы развели?

Впервые Серёжа не убежал, остался стоять на границе участков. Но на лице у него не наблюдалось решимости идти в гости.

– Давай так, – сказал Иван Сергеевич, – ты сходишь к деду-бабе, попросишь у них большой кусок хлеба, лучше черного, целую луковицу и соли. И тут же придешь к нам. Через час испечется картошка, и мы сядем кушать. Если дед и баба захотят к нам придти, пусть приходят, молодой картошки и ягод всем хватит. Договорились?

Серёжа кивнул и тут же исчез за забором. Иван Сергеевич не был уверен, что договорился с мальчиком и что тот придет. Но теперь оставалось только ждать. И он вернулся к своим мальчишкам. Жена все поняла, сказала, что осталось еще такое же блюдо ягод, хватит всем.

– Па, садись, – сказал младший сын, – ешь, а то все ягоды исчезнут...

– В твоём животе, – сказал старший. – Ма, а ты почему не ешь?

– Ела уже, пока мыла ягоды. Да вы ешьте, всем хватит...

– Помните о печеной картошке, – сказал Иван Сергеевич, – оставьте места в желудке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.